

Ёлкин А. И.

кандидат исторических наук, доцент

Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина

Площадь Свободы, 4, 61022, Харьков, Украина

Email: a.i.yolkin@karazin.ua

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7835-5192>

ЛИГА НАЦИЙ И ПОЛОЖЕНИЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ В ПОЛЬШЕ В 20–30-Е ГОДЫ XX В.

На территории европейских государств появились тысячи беженцев без документов, определяющий юридический статус эмигрантов. Наиболее трагичным в их положении являлось то, что они были лишены всякой международной и дипломатической защиты. В создавшейся ситуации только Лига наций смогла стать гарантом прав и свобод лиц без гражданства. Верховным комиссаром по делам русских и армянских беженцев в августе 1921 г. назначен Ф. Нансен. Результатом его деятельности явилось создание «нансеновских паспортов» в 1922 г. в которых графа о гражданстве вообще отсутствовала. Русскими беженцами ведали исключительно польские власти в Варшаве – правительственный комиссар, а в провинции – воеводы и старосты. Благодаря усилиям представителя Лиги наций Шарпанье между польскими властями и русскими эмигрантскими организациями было заключено соглашение о создании особого правового положения для русских эмигрантов. Все они оказались разделены на две категории: беженцев и эмигрантов. Поскольку власти взяли курс на изгнание беженцев из страны, то при финансовой поддержке Лиги наций Русский Попечительный Комитет открыл в 1923 г. 14 пунктов по оказанию правовой помощи. Правовое положение эмигрантов оказывало влияние на их трудоустройство. Лига наций выделила средства на создание 55 трудовых артелей, находившихся в Беловежской пушце и Августове. В связи с массовой безработицей в Польше, при поддержке Лиги наций около 2 тыс. беженцев в 1924-1926 гг. выехало на работы во Францию. Во время мирового кризиса 1929-1933 гг. на сельскохозяйственные работы во Францию, при поддержке представителей Лиги наций в Варшаве, выехало около 500 эмигрантов. Русские эмигранты, оказавшись на территории Польши, были лишены помощи посольства и консульств, здесь не существовало специальных государственных органов, оказывавших помощь беженцам.

Ключевые слова: Лига наций, Польша, нансеновский паспорт, беженец, эмигрант.

Поток беженцев из Африки и Ближнего Востока в последние годы захлестнул Европу. Общее их количество превысило один миллион человек. Положение беженцев оказалось сложным, а иногда просто катастрофическим. Они нуждались в одежде,

обуви, продуктах питания, жилье. Правовое положение прибывших являлось часто также неопределенным. Следовательно, актуальной проблемой является изучение опыта в данной области, накопленного Лигой наций, организацией, созданной на Парижской мирной конференции в 1920 г. Положение, в котором оказались русские эмигранты в Польше, и их взаимодействие с Лигой наций исследуется в работах российских и польских ученых [1, 2, 3, 4, 5]. Однако, вопрос о политике Лиги наций в отношении русских беженцев, деятельность польских властей и их взаимодействие с эмигрантскими организациями требует более детального и комплексного исследования. При написании статьи автор изучил разнообразные источники: сборники документов, мемуары участников событий, эмигрантскую прессу, информационные сборники, ориентированные на знакомство эмигрантов с жизнью соотечественников, архивные фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

Революционные потрясения, а особенно кровопролитная Гражданская война привели к возникновению невиданного потока беженцев с территории бывшей Российской империи. Создалась опасность, что эмигранты станут социальным и политическим бичем Европы. Поскольку в условиях Гражданской войны оказалось практически не реально учесть количество людей, покинувших страну, а за рубежом постоянное их перемещение в поисках лучшей жизни не давало возможности властям стран пребывания и международным организациям установить их точное число, то определить их общее количество весьма проблематично. Советский исследователь Л. К. Шкаренков считает, что их насчитывалось примерно 2 млн. человек [6, с. 23], немецкий ученый Г. фон Римша приводит цифру 1964000 человек [7, с. 51]. Таким образом, на территории европейских государств, появились десятки и сотни тысяч беженцев без всяких средств существования, а часто и без каких-либо документов, удостоверяющих их личности и вообще юридический статус эмигрантов. Наиболее трагичным в их положении являлось то, что они были лишены всякой международной и дипломатической защиты [8, с. 74].

15 декабря 1921 г. вышло постановление ВЦИК и СНК РСФСР, которое лишило прав российского гражданства определенные категории лиц, покинувших Россию после октября 1917 г. и не получивших от советских представителей заграничные паспорта до 1 июня 1922 г. [8, с. 74]. В создавшейся ситуации только Лига наций (далее – ЛН) могла стать гарантом прав и свобод лиц без гражданства (апатридов). Инициатором привлечения ЛН к беженским проблемам стал международный комитет Красного Креста (далее – МККК). 20 февраля 1921 г. он, по настоянию Российского общества Красного Креста (РОКК), обратился с письмом в совет ЛН с просьбой назначить комиссара по делам русских беженцев [8, с. 78]. После острой дискуссии Верховным комиссаром по делам русских и армянских беженцев в августе 1921 г. оказался назначенным Ф. Нансен – известный норвежский исследователь и общественный деятель. Однако кандидатура Ф. Нансена не являлась бесспорной. В связи с голодом 1921 г. в Советской России Ф. Нансен уже являлся Верховным комиссаром ЛН по борьбе с голодом и, естественно, поддерживал контакты с представителями большевиков, но это не устраивало не только российскую эмиграцию, но и власти европейских стран [8, с. 79]. В частности, эмигранты обвиняли Ф. Нансена в том, что «чрезмерно близок г. Нансен к Советам. Для нас остается абсолютно незыблемым, что человек, стоящий чрезмерно близко к советской власти, не может оставаться во главе дела для оказания помощи непримиримым противникам

этой власти» [9]. Свою программу ликвидации беженских проблем он озвучил на конференции в Женеве, проходившей 16-19 сентября 1921 г. Главной своей задачей Верховный комиссар считал не организацию систематической помощи беженцам (на это не было необходимых средств), а кардинальное решение беженского вопроса.

Верховный комиссар отмечал, что существовали два варианта решения беженской проблемы: репатриация их на родину или размещение на территории различных государств. Однако первый вариант «идти под власть большевиков» являлся абсолютно неприемлемым для большинства изгнанников [10, с. 162]. Так, попытка властей Волинского воеводства в Польше заставить эмигрантов получить паспорта от советской миссии в Варшаве в марте 1923 г. встретила отказ со стороны их идейных противников [11, ф. 5846, оп. 1, д. 22, л. 4]. Поэтому его практическое решение, по мнению Нансена, заключалось в планомерном расселении всех беженцев по разным странам, в соответствии со спросом на эмигрантский труд, степенью дешевизны жизни в это регионе, с учетом профессиональной подготовки беженцев [11, ф. 5814, оп. 1., д. 3, л. 236]. К маю 1924 г. Верховный комиссар имел своих представителей в 14 странах, в том числе и в Польше [12, с. 12.]. Но все это оказалось недостижимым без выработки определенного юридического статута. Нансен впервые поставил вопрос о предоставлении беженцам удостоверения личности. Первым результатом этого являлось создание «нансеновских паспортов», разработанных и принятых межправительственным соглашением от 5 июля 1922 г. и 31 мая 1924 г. с дополнениями и улучшениями, внесенными соглашением от 12 мая 1926 г. К октябрю 1929 г. эти паспорта были приняты 39 правительствами [13, с. 4].

Согласно положению соглашения 1926 г., все выходцы из России получали статус беженца. Ими стали считаться лица русского происхождения, не пользующиеся дипломатической защитой СССР, но не ставшие подданными другого государства [12, с. 27]. Статус беженцев в Польше определялся законом 13 августа 1926 г. «Об иностранцах», к числу таковых он относил «каждого, кто не имел польского гражданства». Они получали право лишь временно пребывать на территории Польши. На практике положение беженцев и эмигрантов было одинаковым [12, с. 44]. Кроме того, открытым оставался вопрос возвращения в страну, выдавшей нансеновский паспорт и визы. В связи с тем, что соглашения не имели обязательного характера – их выполнение зависело от решений, принимаемых правительствами каждой отдельной страны, поэтому международные акции были продолжены [12, с. 35]. В Женеве 28 октября 1933 г. приняли «Конвенцию о правовом статусе русских и армянских беженцев». Борьба за подписание конвенции правительствами различных стран продолжалась несколько лет [12, с. 35]. Следует отметить, что введение нансеновских паспортов вызвало неоднозначную реакцию среди российских беженцев. Д. Философов, главный редактор издававшейся в Варшаве газеты «За свободу», высказался против паспортов, считая их «филькиной грамотой», ущемлявшей права политических эмигрантов и приравнивавшихся в правах к беженцам [9].

Русскому беженцу переезжать из одной страны в другую было особо трудно с нансеновским паспортом, так как получение визы по нему оказалось крайне затруднительным и сопровождалось потерей массы времени и хлопот. Непросто часто оказывалось эмигранту и выехать из страны пребывания. Так, эмигрант Г. Донской вспоминал, что для того, чтобы выехать из Польши в Германию, нужно было пройти ряд учреждений – контр-разведку, генеральный штаб, столичную

полицию и МИД [14, с. 234]. Еще сложнее оказалось получить въездную визу в Польшу.

Поэтому для положительного решения проблемы необходимо было подать ходатайство местному польскому консулу и одновременно с предоставлением ходатайства сообщить эмигрантскому Русскому Комитету (РК) в Варшаве данные о лице и причинах поездки в Польшу [11, ф. 6851, оп. 1, д. 158, л. 35]. Въездные визы в Польшу стоили дорого. Например, для русских в 1930 г. цена визы составляла (в чешских кронах): в США – 300; Англию – 75; Аргентину – 105; Болгарию – 69; Польшу – 350 [15, с. 32]. На, состоявшейся в июне 1928 г. под эгидой ЛН, конференции о юридическом статусе русских и армянских беженцев – страны-участницы – приняли решение о назначении в возможно большем числе государственных представителей Верховного комиссара, которым присваивались консульские полномочия.

Однако польский делегат заявил, что Польша не может допустить назначения представителей ЛН, исполняющих консульские функции в силу постановления Рижского договора, заключенного с Советской Россией 18 марта 1921 г. [13, с. 13].

В связи с ликвидацией консульского и дипломатического представительства после заключения Рижского договора, российские беженцы в Польше не имели никакой дипломатической защиты, какой пользуются обычно иностранцы. Русскими беженцами исключительно ведали польские административные власти: в Варшаве – правительственный комиссар, в провинции – воеводы и старосты. Особо следует отметить, что в процессе становления польской государственности местная администрация обладала широкими полномочиями, что создавало предпосылки для злоупотреблений властью [4, с. 47–48]. Выдача беженцам вида на жительство производилась польскими административными властями. Ими выдавалось как удостоверение, так и особого рода специальные заграничные паспорта (паспорт для иностранца), в которых пункт «гражданство» вовсе отсутствовал. Поэтому у представителей многих государств в Польше отказывались признавать законную силу за этими заграничными паспортами, выданными польскими властями чужим гражданам [11, ф. 5809, оп. 1, д. 53, л. 18–19]. Поэтому русским изгнанникам (которых насчитывалось 40-50 тыс. чел.), если и удавалось при особо счастливых обстоятельствах получить разрешение на выезд в какое-нибудь государство из Польши, то только при наличии двух паспортов: польский, указанный выше, паспорт и паспорт, выданный до апреля 1921 г. Российской миссией. Отсутствие последнего создавало иногда безвыходное положение. Получение вида на жительство и проживание на территории Польши не было связано с особыми затруднениями и облегчалось специальными удостоверениями, выдаваемыми Русским Комитетом (РК – эмигрантская организация), что «представитель сего – российский гражданин» [11, ф. 5809, оп. 1, д. 53, л. 19]. После прекращения официальной деятельности Российской миссии в Варшаве (представительство Колчака и Деникина (апрель 1921 г.), она фактически продолжила свою работу под эгидой Русского Комитета. Причем финансирование осуществлялось, главным образом, российским посольством в Париже. Начиная с мая 1921 г., деньги переводились ежемесячно – 6750 франков. Однако в связи с изменением политической ситуации во Франции и сокращением источников финансирования, в феврале 1925 г. сумма уменьшилась до 2700 франков [11, ф. 6771, о. 1, д. 247, л. 1, 92].

Благодаря усилиям представителя Верховного Комиссара Лиги Наций г. Шарпантье, польскими властями и русскими эмигрантскими организациями

было достигнуто соглашение о создании особого правового положения для русских беженцев в Польше.

Все русские изгнанники, находившиеся в стране, разделялись польскими властями на две категории. К первой категории относились те, кто либо перешел польскую границу до 12 октября 1920 г. либо вообще после указанного выше срока репатриировались из Советской России или Советской Украины. Лица первой категории имели белые карты побыта (пребывания), которые продлевались каждые три месяца и, кроме того, часто власти требовали явки владельцев каждые две недели в полицейское управление для проверки (мельдования). Ко второй группе относились те, за которыми формально признавалось право политического убежища. Они имели красные карты (азилия – убежища). Введены они были распоряжением МВД от 18 сентября 1919 г. [11, ф. 5461, оп. 1, д. 149, л. 54]. В них делались отметки о свободе проживания и передвижения в пределах государства, кроме 7 восточных воеводств. Виновные в нарушениях настоящего предписания подлежали штрафу до 50000 польских марок или обем этим карам вместе, а кроме того им угрожала высылка за пределы государства [11, ф. 5809, оп. 1, д. 53, л. 20]. Таких ограничений в других славянских странах не существовало. В Болгарии после 9 июня 1923 г. отменили строгий полицейский контроль над эмигрантами по месту жительства и разрешили свободу передвижения по стране в поисках работы [16, с. 196].

Таким образом, вопрос о русских эмигрантах в Польше сознательно усложнялся с целью «выдавливания» их из страны. В интервью корреспонденту газеты «Курьер Варшавский» премьер генерал Сикорский подчеркнул, что еще в декабре 1922 г. было принято решение выселять за нелегальный переход границы и ныне это распоряжение охватывает всю территорию государства [17]. Мотивируя принятое решение о высылке беженцев, директор департамента общественной безопасности, полковник Бауер подчеркнул, что едва 30 % из них дают свидетельства о том, что они являются политически преследуемыми [11, ф. 5764, оп. 1, д. 149, л. 361]. Создавшееся положение настоятельно требовало широкой постановки дела правовой помощи не только в Варшаве, но и в провинции, где при финансовой поддержке представителя ЛН г. Бердеза Русский Попечительный Комитет (РПК) открыл 14 пунктов (с февраля по декабрь 1923 г. правовую помощь получили 6983 человек) [11, ф. 5814, оп. 1, д. 10, л. 17].

В целях предотвращения изгнаний беженцев представители Верховного Комиссариата неоднократно и с успехом возбуждали ходатайства перед польским правительством. Достигнуто было также соглашение о том, что вопросы об изгнании сосредоточатся теперь в Варшаве и будут рассматриваться представителями центральной власти, делегатами Верховного Комиссара и Русского Комитета. Была достигнута отсрочка изгнания беженцев-евреев и давалась возможность переселить их в США (из общего числа 3600 – 3589 чел.) [11, ф. 5761, оп. 1, д. 149, л. 52]. В июне 1923 г. вопрос о насильственном выселении русских беженцев из Польши стал предметом специального рассмотрения ЛН. И уже в следующем году депортирование эмигрантов в Советскую Россию было прекращено [1, с. 77].

Курс в отношении беженцев, проводимый польскими властями часто обсуждался на страницах эмигрантской прессы. Так, 5 августа 1923 г. на страницах газеты «За свободу» появилась статья Д. Философова «Нехитроумная политика», в которой он писал, что всякий эмигрант безразличия пола, положения и партийной принадлежности предпочтет «хитроумную политику» чехов «нехитроумной политике» поляков.

Автор далее констатирует, что своей политикой власти будто сознательно пытаются нанести во всяком беженце, пребывающем на польской территории своего врага. Определенные надежды связывались с новым правительством. Однако в политике властей в отношении беженцев ничего не изменилось. Даже такие «показательные мелочи, как пресловутые «карты побыту» и право передвижения остались без изменений» [9]. Не случайно Д. Философов ссылался на практику чехословацких властей как пример, достойный для подражания. В начале 20-х годов XX в. российскому беженцу в Чехословакии выдавалось удостоверение «пруказ», а при выезде из страны, так же как и гражданам ЧСР «честовни пас» [15, с. 42–43].

В Польшу нансеновские паспорта начали выдаваться с 1925 г., но если человек выезжал из страны. С 1929 г. они начали служить для использования внутри государства сроком на два года, а с 1935 г. их срок был продлен до трех лет [12, с. 102]. Правовое положение эмигрантов оказывало влияние на их трудоустройство. В начале 20-х годов в стране насчитывалось 200 тысяч безработных [18, s. 19]. Особенность социального состава русской эмиграции Польши являлось наличие в ней большого количества военных. В ноябре-декабре 1920 г. на территории страны были интернированы две русские армии: армия С. Булак-Балаховича и 3-я Русская армия Б. Пермикина, численностью около 18 тыс. человек [19, с. 176]. Они находились в лагерях на территории Польши в 1920–1924 гг. Социально-бытовые условия в них были тяжелыми. Создавшееся положение пытались поправить путем трудоустройства интернированных. Из их числа организовали 55 артелей, где были задействованы около 44 тыс. человек [19, с. 180]. Артели располагались в лесах Беловежа и Августова, где предлагалась работа на железной дороге и в лесах. Труд на заготовке леса и лесопильных заводах был тяжелым и изнурительным. Пытаюсь стабилизировать экономическую ситуацию в стране, премьер-министр В. Грабовский провел финансовую реформу: в мае 1924 г. в обращение ввел злотый. Стабилизация валюты в Польше проводилась путем увеличения всех налогов и тарифов на железнодорожные перевозки. В связи с повышением цен на железнодорожные перевозки невозможным стал экспорт леса. Его доставка из Вольнской губернии в Гданьск составляла до 60 % его стоимости в городе. Это привело к закрытию предприятий и безработице, в первую очередь среди интернированных. Не имея средств к существованию интернированные начинали голодать [11, ф. 5761, оп. 1, д. 149, л. 47]. Следовательно, занятые на лесных разработках оказались не только безработными, но и лишились источников всяких средств существования. Единственной надеждой изменить свое материальное положение для русских беженцев являлась возможность попасть с помощью ЛН на работу во Францию, казавшуюся им «землей обетованной», где в начале 20-х годов не было безработицы. В стране в связи с франко-бельгийской оккупацией Рура (январь 1923 г.) и отправкой туда французских рабочих, а также восстановлением пострадавших во время войны департаментов, вырос спрос на рабочую силу. Однако направление русских эмигрантов на работу во Францию натолкнулось на ряд трудностей. Русский попечительный комитет (РПК) не получил официального разрешения от польского Министерства труда и общественного презрения на выезд значительной группы русских эмигрантов. Указанное министерство пыталось отправить своих безработных, а квота эмигрантов должна была составлять от 10 % до 15 % польских рабочих. Возникшие проблемы удалось уладить с помощью представителя ЛН г. Шарпанье. В начале 1924 г. правление РПК через делегата ЛН Шарпанье получило

предложение от 2 французских фирм отправит на работу во Францию 142 русских эмигрантов. Лига наций через своего представителя Шарпанье выделила на доставку первой партии эмигрантов 232 английских фунта стерлингов [11, ф. 5761, оп. 1, д. 149, л. 62]. Русские трудились на сталелитейных заводах Лотарингии (Кнютанж) в качестве чернорабочих, литейщиков, машинистов, каменщиков и др., а также на строительстве порта в Нормандии (Гринвиль). Контракты заключались на срок от трех до шести месяцев. Всего во Франции за период с февраля 1924 г. по ноябрь 1926 г. выехало 1772 человека [11, ф. 5814. Оп. 1, д. 10, л. 28].

В 1919 г. на Парижской мирной конференции была создана Международная Организация Труда (МОТ), призванная заниматься защитой прав трудящихся. С 1925 г. она начала уделять внимание проблеме трудоустройства русских эмигрантов. Возглавил ее А. Тома [21, с. 557–564]. Оказавшихся в сложной экономической ситуации беженцев, эмигрантские организации пытались трудоустроить прежде всего на сельскохозяйственные работы. Большое значение Союз Русских Эмигрантских Организаций (СРЭО) в Польше придавал вопросу трудовой помощи безработными эмигрантам. В связи с тем, что секретарь союза А. П. Вельмин несколько лет являлся представителем Польши, существовавшей в Париже «Комиссии по трудовому земельному устройству во Франции» удавалось получать постоянные контракты на сельскохозяйственные работы на юге страны. За период 1927–1930 гг. во Францию по таким контрактам выехало свыше 400 безработных (в частности в 1926 г. выехало 12 семей (43 чел.) для работы на арендуемой земле [11, ф. 5814, оп. 3, д. 17, л. 17]. Российская исследовательница Н. Трошкина считает, что в 1929–1930 гг. во Францию из Польши выехало по официальным приглашениям на сельхозработы 500 человек [20, с. 58]. Эта трудовая помощь, аграрные инициативы, начавшиеся в первые годы пребывания за границей и годы мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. оказались возможными только благодаря деятельности в Варшаве представителя ЛН Э. Галатти [11, ф. 5854, оп. 1, д. 4, л. 17–18].

Мировой экономической кризис 1929–1933 гг. привел к значительному ухудшению социально-бытовых условий проживания русских эмигрантов в стране, особенно пожилых и инвалидов. В 1932–1933 гг. из-за отсутствия средств у эмигрантских организаций возникла реальная угроза закрытия Лоховского приюта (Варшава), рассчитанного на проживание 80 человек [11, ф. 5814, оп. 1, д. 10, л. 1; 22]. После ликвидации лагеря интернированных Стшалково в 1923 г. на его территории был создан «ремесленный городок». На его обустройство ЛН выделила 1000 франков [11, ф. 5764, оп. 1, д. 149, л. 113].

В 20-е – начале 30-х годов шефство над городком осуществлял Русский Попечительный Комитет (РПК). Он финансировал работу столовой, обеспечивал выдачу ссуд, пособий на приобретение лекарств, выдавал деньги на покупку молока для детей. В 1933 г. там проживало 34 взрослых и 11 детей. В годы кризиса финансирование РПК постоянно сокращалось, а в начале 1933 г. вообще прекратилось, поэтому стратегия выживания жителей городка требовала поиска новых источников финансирования [22]. На территории Польши проживало 147 человек военных инвалидов, сражавшихся на стороне поляков в советско-польской войне 1919–1920 гг. С 1928 г. Министерство труда и опеки ежемесячно выплачивало им 6 тыс. злотых [23]. Однако в условиях кризиса 1929–1933 гг. министерство на 50 % (январь 1933 г.) сумму пособий военным инвалидам [23]. Кроме того без финансирования оказалось общежитие Союза русских военных инвалидов в г. Вильно [24, с. 32]. Поиск источников финансирования осуществлялся эмигрантскими

організаціями как за счет собственной благотворительности (проведение балов), так и за счет ходатайств о помощи к Международному присутствию имени Ф. Нансена. Оно в августе 1933 г. удовлетворило ходатайство, представленное ему русскими эмигрантскими организациями в Польше, через делегата Присутствия в Варшаве г. Галатти и ассигновало 1200 франков на нужды варшавского приюта «Лоховка», 600 франков на помощь русским эмигрантам в лагере Стшалково и 580 франков на нужды, содержащегося Союзом Русских военных инвалидов общежития в Вильно [22]. Также средства Присутствия использовались на ремонт помещения столовой Русского Общественного Комитета (РОК) в Варшаве. Эта столовая в 1932–1933 гг. обеспечивала любого эмигранта дешевым и качественным обедом за 50 грошей. В месяц выдавалось свыше 2500 обедов [22].

Таким образом, русские эмигранты, оказавшиеся на территории Польши, были лишены помощи посольства и консульств, здесь не существовало специальных государственных органов, оказывавших помощь беженцам, таких как Комитет русских беженцев в Болгарии или Державная комиссия в Югославии. Поэтому в Польше в качестве агентов адаптации наряду с эмигрантскими выступали международные организации. Только Лига наций оказалась в состоянии определить их юридический статус, а также по возможности трудоустроить и представить им скромную материальную помощь. Деятельность эмигрантских организаций в силу объективных и субъективных причин в Польше не могла достичь такого размаха как в других славянских странах.

REFERENCES

1. Simonova, T. 2007: *My bespoddannye bezgosudarstvennik*. Rodina [Homeland]. 2, 75–78. (In Russian). Симонова, Т. 2007: *Мы бесподданные безгосударственники...* Родина [Homeland]. 2007. 2, 75–78.
2. Simonova, T. 2009: *Russkaya emigratsii v Pol'she v 20–30-e gg. XX v. Nekotorye problemy sokhraneniya natsional'noi identichnosti* In: *V poiskakh luchshei doli. Rossiiskaya emigratsiya v stranakh Tsentral'noi i Yugo-Vostochnoi Evropy. Vtoraya polovina XIX – pervaya polovina XX veka*. Moskva, 207–246. (In Russian). Симонова, Т. 2009: *Русская эмиграция в Польше в 20–30-е гг. XX в. Некоторые проблемы сохранения национальной идентичности*. In: *В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Вторая половина XIX – первая половина XX века*. Москва, 207–246.
3. Stanislavskii, V. 2006: *Zhizn' na obochine. Russkaya emigratsiya na zemlyakh Vtoroi Rechi Pospolitoi. Novaya Pol'sha* [New Poland] 7–8, 91–96. (In Russian). Станиславский, В. 2006: *Жизнь на обочине. Русская эмиграция на землях Второй Речи Посполитой. Новая Польша* [New Poland]. 7–8, 91–96.
4. Zamojski, J. T. 2000: *Biala emigracja rosyjska u Polse: sytuacja, problem (1919–1939). Imigranci i społeczeństwa przyjmujące: adaptacja? integracja? transformacja?* 5, 32–63. (In Polish).
5. Nansen-Kheierliv, L. 1971: *Kniga ob ottse. Leningrad*. (In Russian). ансен-Хейерлив, Л., 1971: *Книга об отце*. Ленинград.
6. Shkarenkova, L. K. 1987: *Agoniya beloi emigratsii*. Moskva. (In Russian). Шкаренкова, Л. К. 1987: *Агония белой эмиграции*. Москва.

7. Rimscha, H. 1924: Der russische Burgerkrieg und die russische Emigration 1917–1921. Jena. (In German).
8. Bocharova, Z. S. 2006: Pravovove polozhenie rossiiskikh bezhentsev. In: Adaptatsiya rossiiskikh emigrantov (konets XIX–XX v.). Moskva, 72–132. (In Russian). Бочарова, З. С. 2006: Правовое положение российских беженцев. In: Адаптация российских эмигрантов (конец XIX–XX в.). Москва, 72–132.
9. Za svobodu. За свободу.
10. Savich, N. V. 2008: Posle pokhoda. Parizhskii dnevnik. 1921–1923. Moskva. (In Russian). Савич, Н. В. 2008: После похода. Парижский дневник. 1921–1923. Москва.
11. Gosudarstvennyi Arkhiv Rossiiskoi Federatsii. Государственный Архив Российской Федерации.
12. Bocharova, Z. S. 2004: Russkie bezhentsy: Problemy rasseleniya, vozvrashcheniya na Rodinu, uregulirovaniya pravovogo polozheniya (1920–1930-e gody): Sbornik dokumentov i materialov. Moskva. (In Russian). Бочарова, З. С. 2004: Русские беженцы: Проблемы расселения, возвращения на Родину, урегулирования правового положения (1920–1930-е годы): Сборник документов и материалов. Москва.
13. Tauberg, L. 1933: Liga natsii i yuridicheskii statut bezhentsev, Belgrad. (In Russian). Тауберг, Л. 1933: Лига наций и юридический статут беженцев. Белград.
14. Donskoi, G. 1920: Ot Moskvy do Berlina. In: Arkhiv russkoi revolyutsii. Berlin. (In Russian). Донской, Г. 1920: От Москвы до Берлина. In: Архив русской революции. Берлин, 232–248.
15. Serapionova, E. P. 1995: Rossiiskaya emigratsiya v Chekhoslovatskoi respublike (20–30-e gody), Moskva. (In Russian). Серапионова, Е. П. 1995: Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). Москва.
16. K'oseva, Ts. 2002: Ruskata emigratsiya v V»lgariya. Sofiya. [in Bulgarian]. Къосева, Ц. 2002: Руската емиграция в България. София.
17. Kurier Warschawski.
18. Bornstein-Lychowska, M. 1928: 10 lat polityki spolecznej nanstwa Polskiego 1918–1928, Warsaw. (In Polish).
19. Elkin, A. I. 2011: Trudoustroistvo russkikh emigrantov v Pol'she v 20-e–30 e gody XX veka. Rossiisko-pol'skii al'manakh [Russian-Polish almanac], 5, 172–182. (In Russian). Ёлкин, А. И. 2011: Трудоустройство русских эмигрантов в Польше в 20-е–30-е годы XX века. Российско-польский альманах. V, 172–182.
20. Troshkina, N. 2006: Dokumenty GARF o deyatel'nosti russkikh obshchestvennykh organizatsii v Pol'she (20–30-e gg.). Otechestvennye arkhivy [Domestic archives] 3, 58–60. (In Russian). Трошкина, Н. 2006: Документы ГАРФ о деятельности русских общественных организаций в Польше (20–30-е гг.). Отечественные архивы [Domestic Archives]. 3, 58–60.
21. Loid Dzhordzh, D. 1957: Pravda o mirnykh dogovorakh. Vol. 1. Moskva. (In Russian). Лойд Джордж, Д. 1957: Правда о мирных договорах. Т. 1. Москва.
22. Molva. Молва.
23. Kurier Poranny.
24. Zarubezhnyi Soyuz Russkikh Voennykh invalidov. 1920–1939. Paris. (In Russian). Зарубежный Союз Русских Военных инвалидов. 1920–1939. Париж.

Yolkin A. I.

Ph.D. (History), Associate Professor
V. N. Karazin Kharkiv National University
4 Svobody Sq., 61022, Kharkiv, Ukraine
Email: a.i.yolkin@karazin.ua
ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7835-5192>

THE LEAGUE OF NATIONS AND THE POSITION OF RUSSIAN EMIGRANTS IN POLAND IN THE 20–30S OF THE XX CENTURY

Thousands of undocumented refugees appeared on the territory of European states. The most tragic of their situation was that they were deprived of any international and diplomatic protection. In this situation, only the League of Nations was able to become the guarantor of the rights and freedoms of stateless persons. In August 1921, F. Nansen was appointed High Commissioner for Russian and Armenian Refugees. The result of his work was the creation of “Nansen passports” in 1922 in which there was no column on citizenship at all. Russian refugees were solely controlled by the Polish authorities in Warsaw - the government commissioner, and in the provinces - governors and elders. Thanks to the efforts of the representative of the League of Nations, Charpanier, an agreement was concluded between the Polish authorities and Russian emigrant organizations to create a special legal situation for Russian emigrants. All of them were divided into two categories: refugees and emigrants. The authorities headed for the expulsion of refugees from the country. With the financial support of the League of Nations, the Russian Board of Trustees opened 14 legal aid points in 1923. The legal status of emigrants influenced their employment. The League of Nations allocated funds for the creation of 55 labor cooperatives located in Belovezhskaya Pushcha and Augustow. In connection with the massive unemployment in Poland, with the support of the League of Nations, about 2 thousand refugees in 1924-1926. went to work in France. During the global crisis of 1929-1933 About 500 emigrants left for agricultural work in France, with the support of representatives of the League of Nations in Warsaw. Having arrived in Poland, Russian emigrants were deprived of the help of the embassy and consulates; there were no special state bodies providing assistance to refugees.

Keywords: League of Nations, Poland, Nansen passport, refugee, emigrant

Йолкін А. І.

кандидат історичних наук, доцент

Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Майдан Свободи, 4, 61022, Харків, Україна

Email: a.i.yolkin@karazin.ua

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7835-5192>

ЛІГА НАЦІЙ І ПОЛОЖЕННЯ РОСІЙСЬКИХ ЕМІГРАНТІВ В ПОЛЬЩІ В 20–30-ТІ РОКИ ХХ СТ.

На території європейських держав з'явилися тисячі біженців без документів, що визначає юридичний статус емігрантів. Найбільш трагічним в їхньому становищі було те, що вони були позбавлені будь-якого міжнародного та дипломатичного захисту. У такій ситуації тільки Ліга націй змогла стати гарантом прав і свобод осіб без громадянства. Верховним комісаром у справах російських і вірменських біженців у серпні 1921 р. призначений Ф. Нансен. Результатом його діяльності стало створення «нансенівських паспортів» у 1922 р. в яких графа про громадянство взагалі була відсутня. Російськими біженцями відала виключно польська влада у Варшаві – урядовий комісар, а в провінції – воєводи і старости. Завдяки зусиллям представника Ліги націй Шарпанье між польською владою та російськими емігрантськими організаціями було укладено угоду про створення особливого правового становища для російських емігрантів. Всі вони виявилися розділені на дві категорії: біженців і емігрантів. Оскільки влада взяла курс на вигнання біженців з країни, то за фінансової підтримки Ліги націй Руський Піклувальний Комітет відкрив в 1923 р. 14 пунктів з надання правової допомоги. Правове становище емігрантів впливало на їх працевлаштування. Ліга націй виділила кошти на створення 55 трудових артілей, які перебували в Біловезькій пущі і Августові. У зв'язку з масовим безробіттям в Польщі, за підтримки Ліги націй близько 2 тис. біженців у 1924–1926 рр. виїхало на роботи у Франції. Під час світової кризи 1929–1933 рр. на сільськогосподарські роботи у Франції, за підтримки представників Ліги націй у Варшаві, виїхало близько 500 емігрантів. Російські емігранти, опинившись на території Польщі, були позбавлені допомоги посольства і консульств, тут не існувало спеціальних державних органів, які надавали допомогу біженцям.

Ключові слова: Ліга націй, Польща, нансенівський паспорт, біженець, емігрант.